

Юрий Каграманов

ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ

Европа перед натиском исламизма

Наш XX век... перевернул притчу о Магомете и горе, ныне все горы сами сходятся к современному Магомету.

Х.Л.Борхес. «Алеф»

На сакраментальный вопрос Джона Донна «По ком звонит колокол?» сегодня приходится ответить, что колокол, скорее всего, звонит по европейскому миру. Так, во всяком случае, думают сами европейцы, по крайней мере те из них, кому не чужды «судьбические» вопросы. Буквально за последние год-два резко сгустились «похоронные» настроения: думающие европейцы уже не верят, что Европа сможет противостоять натиску исламизма¹.

Прошло четверть века с тех пор, как рассеялся страх перед ядерным апокалипсисом², и вот новая угроза нависла над старым континентом. Конечно, она несравнима с прежней: тогда ждали, что в любой момент может произойти такое, что «небо совется, как свиток», а сейчас речь идет о медленном угасании, не слишком даже бросающимся в глаза. Как будто все еще остается на своих местах; вертится цивилизационная мельница: поезда ходят по расписанию, дымят фабричные трубы, своим чередом идет купля-продажа всего и вся, ежедневную порцию развлечений выдает ТВ и все такое прочее. Только исподволь меняется «личный состав», обслуживающий этот механизм, что со временем должно привести к радикальной переверстке мнений и интересов.

С другой стороны, в самые критические годы холодной войны сохранялась надежда, что худшего удастся все-таки избежать, и как показал опыт, надежда эта была достаточно основательной. Тогда как завоевание Европы исламистами представляется сейчас неминуемым. Или почти неминуемым. Как говорит русская пословица, ждали с гор, ан подплыло низом.

Вот характерный взгляд. Говорит популярный французский философ³ Мишель Онфрэ (в интервью газете «*Coggiere della sera*» за 16.2.2016): «Наша цивилизация мертва. Она завязла в нигилизме, деструкции и отвращении к себе... Ислам располагает молодыми солдатами, готовыми умереть за него. А кто из западных людей готов умереть за наши ценности — тривиальный консумеризм и эгоистический нарциссизм?» В журнале «*Causeur*» Онфрэ вторит еще один француз, писатель Эмманюэль Дюи: «Мало-помалу изначальный порыв (*elan fondateur*) был нами утрачен; сегодня он

Каграманов Юрий Михайлович — культуролог, публицист, постоянный автор «Дружбы народов». Последние публикации в «ДН»: «На подходе ко второму Просвещению» (№ 1, 2014); «Призрак Закона» (№ 7, 2014); «Кого ждет «триумф воли»? Противоборство идеологий на Украине» (№ 3, 2015); «Обаяние Птолемея» (№ 3, 2016); «На площади Бастилии больше не танцуют. Французы пересматривают опыт «великой» революции» (№ 1, 2017).

представляется погасшим. И европейцы с тревогой замечают витальность ислама, который, как представляется, не растратил своей энергии и сохраняет верность проекту цивилизации, основанной на божественном законе»⁴. Но не означает ли это, что данный проект включает достижения европейской цивилизации и, может быть, даже предусматривает их развитие и обогащение?

Это крайне маловероятно, отвечает выдающийся итальянский антрополог Ида Мальи (1925 — 2016). В книге с выразительным названием «После нас» (я предложил смысловой перевод названия) Мальи пишет: «Опасение, что в будущем никого не заинтересуют следы нашего существования, стало почти уверенностью. Большую часть Европы заселят африканские (и азиатские — Ю.К.) мусульмане, которые сочтут своим долгом уничтожить все то, что мы создали. И сделают это с большим удовольствием»⁵. Скорую гибель европейской цивилизации Мальи считает делом практически решенным, ее удручает другое — что от нее не останется следов. У варваров, заполонивших римскую империю, пишет Мальи, не было динамита, поэтому от тех времен осталось множество памятников, даже не всегда поврежденных. Добавлю от себя, что памятники сохранились и там, куда в свое время пришли мусульмане. К примеру, самый знаменитый храм христианского мира, Св.Софии в Константинополе, архитектурно не был поврежден, а только превращен в мечеть и поставлен «под охрану» четырех окруживших его минаретов. А новые насельники, продолжает Мальи, ничего не будут шадить: в первую очередь они уничтожат церкви, потом музеи, библиотеки и многое другое.

Конечно, не все европейцы (я говорю сейчас о мыслящих европейцах) поражены, воспользуюсь словами Фета, «отказом от борьбы и смертной истомой». Есть такие, кто по примеру сидящего в заточении Андерса Брейвика мечтает о грандиозной, в масштабе континента, Варфоломеевской ночи. К чему-то подобному призывает норвежский блоггер Педер Йенсен, пишущий под псевдонимом Fjordman (человек фиордов), известный как «учитель Брейвика». На время (пока не приутих скандал, возникший вокруг его «ученика») замолчавший и потому оставшийся на свободе, он в последнее время опять пишет, что враг «вновь у ворот Вены» (после последней осады столицы Империи турками в 1683-м) и напоминает соотечественникам по ЕС, что они — «потомки крестоносцев» и негоже им «поджимать хвост» перед лицом пришельцев.

Не приведи Бог увидеть еще одну Варфоломеевскую ночь или новые Крестовые походы, но вряд ли дело дойдет до крайности: «потомки крестоносцев» не соберут сколько-нибудь значительную силу, а если и соберут, то скорее всего будут побиты. Говорят, что современные европейцы слишком изнежены, слишком чувствительны, чтобы сразиться с неприятелем лицом к лицу. Можно, правда, найти и другое для них определение. Когда Панургу в романе Франсуа Рабле сказали, что король дипсодов очень чувствителен и потому неохотно берется за оружие, тот ответил, что не вернее ли будет сказать, что король дипсодов просто трусоват.

И все-таки это не означает, что Европа обречена. Чтобы устоять на крепнущем ветру, надо по достоинству оценить вызов, брошенный исламистами. Правильно определить «угол падения», чтобы найти соответствующий «угол отражения». Сейчас общество, что в Европе, что у нас, более всего озабочено проявлениями открытой враждебности с той стороны, выражающей себя в террористических актах. Непосредственно с террористами сражаются профессионалы спецслужб — это их забота. Но каковы те движения душ, которые побуждают террористов поступать так, как они поступают, об этом редко кто задумывается. Только патриарх Кирилл однажды осторожно заметил, что необходимо обратиться к онтологическим причинам этого явления.

На Западе преобладают два противоположных взгляда на ислам как таковой. В одних случаях его рассматривают как бы сквозь розовые очки. Мусульмане, говорят

сторонники такого взгляда, ничем от нас принципиально не отличаются, рано или поздно они принимают неотразимые плюсы западного образа жизни, а что молятся они в мечетях какому-то своему Богу, это их личное дело. Верящим в существование такого, «мягкого», как его называют, ислама жестко отвечает американский публицист Дэниэл Гринфилд: «Вы не найдете сказочную страну мягкого ислама на Востоке. Вы не найдете ее даже на Западе. Она существует только в воображении рассказчиков. Мягкий ислам — это не то, во что верят мусульмане. Это то, что думают западные либералы о том, во что верят мусульмане»⁶.

Противоположная точка зрения (до последнего времени более распространенная в США, чем в Европе): ислам — жестокая, агрессивная религия, несовместимая с западными ценностями. Таковым он был с самого начала, считая от первых «уроков», которые преподавал арабиянам пророк Мухаммед. Коран — «учебник войны». Это тоже односторонний, тенденциозный взгляд на ислам.

Оба взгляда, при всей их полярности, исходят из одной и той же презумпции, а именно: западный путь — «правильный», а мусульманам остается или приспособляться к нему, или держаться от него подальше.

Держаться подальше не получается. Потому что, с одной стороны, Запад освоил мировой эфир, который сам же и создал и который проникает в самые отдаленные уголки Земли (вопреки тому, что принято думать, именно «культурная агрессия», а не случаи вооруженного вмешательства США и их союзников в странах Востока, является главным фактором, раздражающим мусульман). А с другой — мусульманский мир посылает своих сынов и дочерей во все возрастающем количестве «осваивать» Запад; среди них есть и такие, кто приходит сюда с одной целью — убивать (а бывает и так, что желание убивать созревает уже на Западе, нередко у тех, кто родился там и вырос). Это похоже на то, как один гладиатор пытается уловить другого сеткой, а другой наставляет на него меч.

Судя по некоторым фильмам, таким как английский «Неопределенность» (2015) и американский отменно длинный сериал «Родина» (начат показом в 2012), западных людей особенно беспокоит, почему это «нормальные» по всем признакам автохтоны вдруг переходят в ислам, более того, становятся воинствующими исламистами, террористами.

И ведь нельзя сказать, что Западу не хватает самокритики. По крайней мере среди думающих людей давно уже крепнут сомнения в «правильности» избранного пути. Во многих случаях переходящие в уверенность, что путь, по крайней мере в некоторых своих аспектах, — неправильный и ведет к гибели. Что видно уже из приведенных выше примеров. Но удивительное дело: перед лицом ислама даже критики западного пути, за редкими исключениями, занимают оборонительную позицию. Или хуже: позицию врача, который знает, чем болен пациент, и прописывает ему то-то и то-то.

Американский публицист (палеоконсерватор по убеждениям) Марк Гленн пишет: «Ислам ближе к (подлинному) христианству, чем современное западное христианство, которое и не христианство вовсе, а размытая смесь нью-эйджизма с некоторыми общими местами, которые можно найти почти в любой другой религии»⁷. Это верно в том отношении, что в целом мусульмане лучше представляют себе, «где Бог, а где порог».

Стало актуальным то, что в свое время писал Эразм о мусульманском вызове, как мы его сегодня назовем. XVI век. Овладев Балканами, турки в 1529 году осадили Вену — напомним, столицу империи, которая хотя бы в идее была Священной и Римской. Не удивительно, что европейцы исполнились тревогой, граничащей с паническими настроениями. И вот что писал тогда Эразм: «Мы часто обращали оружие против турок, но вплоть до настоящего времени неудачно, быть может оттого, что мы не отказались от практик, которые оскорбляют Бога, насылающего на нас

турок, как некогда насылал Он на Египет лягушек, москитов и саранчу... Потому что мы действовали не как христиане, но воевали против турок с турецкими сердцами». Эразм имел в виду, что турки думают не столько о Боге, сколько о завоеваниях, о сокровищах, о славе — такими их представляли тогда в Европе. Что было не совсем верно: религиозные соображения тоже кое-что для них значили; хотя в общем мирские наклонности были выражены у них сильнее, чем у «правообладателей» ислама, назовем их так, — арабов. Но нам интересно не то, какого мнения Эразм о турках, а то, что он пишет о европейцах: прежде чем идти войной против турок, им следовало «поработать над собственными сердцами». «Своими победами, — итожит Эразм, — они (турки) обязаны нашим порокам»⁸.

«Отец Объединенной Европы», как его сейчас называют, а тогда старейшина европейских гуманистов, Эразм призывал вооружиться «щитом веры» и «шпагой спасения», каковою является Слово Божие. Прежде чем идти войною против янычаров и сипахов (турецких конников), писал он, надо побороть «внутренних турков», каковыми являются «разврат, амбиции и безбожие». Призывы Эразма во многом способствовали религиозному «пробуждению» Европы (если позволено употребить здесь термин, относящийся к религиозной истории США) и возникновению протестантизма, очень неоднозначного движения, в котором, однако, было и здоровое нравственное чувство (сам Эразм, в возникшем религиозном споре некоторое время оставшийся «над схваткой», в конечном счете все-таки встал на сторону обновленного католицизма).

Будто к современным европейцам обращается Эразм из своего полутысячелетнего далека с призывом «поработать над собственными сердцами». Совет — стоящий; тем более что основным супротивником сегодня выступают «правообладатели»; хотя и турки демонстрируют в последнее время возросшее религиозное усердие.

Сетка в руках западного «гладиатора» — культура. Меч у его противника — религия. «Выбор оружия» и в первом случае обусловлен религиозно. Христианство не отвергло культуру, напротив, сообщило ей новый импульс и дало направление. Бог, пославший людям Сына, поощрил их радоваться земной жизни и ценить — и воспроизводить в меру своих сил — ее красоту; и вместе уповать на то, что существуют высшая жизнь и высшая красота. Отдавать некоторую дань чувственному, но умерять его благоговением перед сверхчувственным. Эту двойственность отразило европейское искусство во времена своего расцвета.

Пример здесь показало церковное искусство, как на католической, так и на православной стороне. В частности, в русском православии — у Андрея Рублева, например, с первого взгляда впечатляют радостные, сочные краски, отчего Е.Н.Трубецкой даже назвал русскую икону «жизнерадостной». И вместе с тем мягкие тона и кроткие взоры отсылают здесь к и н о м у, к тому, что «выше жизни» и что светится «сквозь» живописные изображения.

В исламе бог остался на недостижимой высоте и лишь однажды, в ночь *мираджа* (мистического восхождения Мухаммеда), снизошел к людям, чтобы продиктовать Книгу. Земная жизнь не сподобилась теплого внимания Создателя, поэтому не имеет смысла задерживать взгляд на ее подробностях, что, собственно, и является делом культуры. Изображение плотяного — *харам* (запрещено), предметный мир может быть передан только абстрактно и геометрически. Мыслечувствие мусульманина устремлено к Единому, к Черному камню (Каабе), не «разбрасываясь» по сторонам.

У шиитов, правда, дело обстоит иначе: персидские миниатюры, «словно бабочки сказочных стран» (Николай Гумилев), радуют глаз. Это потому, что в отличие от «книжников»-суннитов у них развито образное мышление (некоторые исследователи видят в этом особенность арийской расы, отличающую ее от семитов); и еще потому, что они верят, что создатель затем низводит к человечеству сонмы ангелов, чтобы

приукрасить земную жизнь. Но шиизм, как известно, — это не основное направление в исламе.

Между тем в Европе влюбленность в предметный мир с течением времени утрачивала связь, скажем так и мы, с ангелическим миром и оборачивалась похотью. На языке античности, к которому столь охотно прибегала Европа Возрождения и Нового времени, Аполлона вытеснял гуляка Дионис, хариты уступали место сатирам и кентаврам. Погружение с головой в чувственный мир в конечном счете начинало дурно пахнуть, даже физически⁹; тем более — метафизически. Если права М. Цветаева, и души западных людей в урочный час примет Азраил (исламский ангел смерти), то ему, наделенному, как считают, тонким обонянием, слишком часто придется зажимать нос.

В XIX веке в образованных кругах считалось естественным, едва ли не неизбежным уходить от религии в «сады культуры». В веках XX и XXI «сады культуры» все больше становятся похожи на мусорную свалку. Отчасти по этой причине в европейском искусстве возникло созвучное исламу направление, положившее себе изображать предметный мир абстрактно и геометрически. Художники, такие, как В. Кандинский и К. Малевич (а на Западе П. Мондриан, Р. Магритт в некоторых своих работах), призвали пожертвовать предметностью ради восхождения к «чистой духовности». У Кандинского, например, посчитавшего, что пришло время зафиксировать «распад мира», духовность сохраняет уже только слабую связь с телесностью: линии и цвета «играют» у него независимо от конкретных предметов.

Еще дальше пошел Малевич, «Черный квадрат» которого явился, по мнению многих искусствоведов, ключевым произведением искусства XX века. Оставим на совести исламских толкователей их суждение, что «Черный квадрат» — проекция на плоскость Черного куба Каабы. Произведение Малевича — реакция на запутанность европейской переусложненной цивилизации, ставшую очевидной ко времени его написания (1915). Это было восстание, по словам Малевича, против «уродства реальных форм» («всякого лица, где торчат пара глаз и улыбка»), открывавшее, по словам некоторых его критиков, путь «в пустыню». А Бенедикт Лифшиц даже сравнил его автора с Савонаролой, сожигающим «всю суету мира». Позиция Малевича была характерной для определенного круга художников, у которых живые формы вызывали, по словам Х. Ортеги, «дрожь отвращения».

Мы вправе сказать, что в рамках «Черного квадрата» религиозное переходит дорогу художественному — но, конечно, не с целью убить его окончательно: как-никак, Малевич — художник, а не проповедник. Вообще-то он много чего наговорил, но мысль о том, что у искусства есть будущее, проводится у него достаточно настойчиво. Даже в своем «Черном квадрате» он усмотрел не гибель всего и вся, но «зародыш всех возможностей»: из черной глубины должен восстать, по его словам, «живой царственный младенец». Посчитаем эту его мысль пророческой.

«Художественный апофатизм» (еще одно определение «черного квадрата», данное одним из критиков) логически предполагает (по крайней мере, в христианстве) художественный катафатизм. Который должен явить себя «в свою очередь». Если только не сложится ситуация, когда будет «не до художеств».

Воспользуясь известным пожеланием Мити Карамазова «сузить человека», чтобы обозначить еще один аспект противостояния мусульманской и христианской (без кавычек применительно к прошлому, скорее, в кавычках применительно к настоящему) цивилизаций. Широта человека (даже в более широком смысле, чем у Достоевского, где речь идет о совмещении содомского идеала с идеалом Мадонны) отличает европейскую культуру более любых других. Это результат кумулятивного развития науки и избытка художественных представлений. В особенности умножение научных знаний озадачивает, можно выразиться сильнее, обескураживает: чем больше

совершается открытий, тем больше остается в мире загадочного. А как говорит тот же Митя Карамазов, «слишком много загадок угнетают на земле человека».

Избыток знаний «растаскивает» человека по разным направлениям, оставляя в середке «торричеллиеву пустоту». Оттого в европейской истории, начиная с эпохи Ренессанса, нарастает ощущение, что прогресс «наук, искусств и ремесел» ведет к тому, что индивид утрачивает цельность, а это даже хуже ограниченности. Так, по крайней мере, считали некоторые писатели: от Эразма, постулировавшего педагогический принцип *non multa, sed multum* (знать немного, но о немногом знать много) — до Гете, посчитавшего многие знания излишними для своей Педагогической провинции (в «Годах странствий Вильгельма Мейстера»), и до Шарля Пеги, сожалевшего, что уходит в прошлое тип Жака-Простака (*Jacques-Bonhomme*), который был совсем не так прост.

О том же сожалел Йохан Хейзинга в книге «В тени завтрашнего дня» (1935): «В старые времена крестьянин, шкипер или ремесленник находил в целостности своего знания духовную схему, которой он поверял жизнь и мироздание. Он сознавал свою некомпетентность и не брался судить о том, что выходит за черту его кругозора... Именно благодаря своей ограниченности он бывал мудрым»¹⁰.

«Человеческий ум задыхается от изобилия образцов», считал Стендаль. Это сказывается, в частности, в такой важной интимной сфере, как любовь к женщине. На взгляд Стендаля, ее не должно предварять излишней игрой воображения, которую способны возбудить литература и искусство; оттого своим любимым героям, Жюльену Сорелю и Фабрицио дель Донго, он не позволил прочесть ни одного романа.

Созвучно — Розанов: «после книгопечатания любовь стала невозможной». А после кино?

А Стендаль правильную постановку любовного чувства находит за тридевять земель: «Образцы истинной любви и ее родину, — пишет он в сочинении «О любви», — надо искать под темным шатром араба-бедуина» (глава «Аравия»). Вероятно, французский дипломат, обхаживавший декольтированных дам в ложах миланского Ла Скала, очень смутно представлял себе, какие такие разыгрываются страсти в бедуинских шатрах. И все же определенный резон в его рассуждении был: цельность характера, опять же в более широком смысле, отличала мусульман от европейцев.

Но, как правило, ограниченность, без которой немислима цельность, у европейцев вызывает все-таки осуждение; особенно когда дело касается научного развития. Характерную точку зрения высказал Эрнест Ренан (ученый-семитолог по своей основной профессии) в статье «Исламизм и наука» (1883). Все его наблюдения, как представляется, достаточно точны, хотя и оцениваются им с позиции религиозного скептика. «Те, кто побывал на Востоке или в Африке, — пишет Ренан, — поражены, заметив, как фатально ограничен ум истинно верующего; создается впечатление, что голову его сковывает некий железный обруч, делающий его абсолютно невосприимчивым к науке...» Похоже, что и сегодня мусульмане не слишком продвинулись в этом отношении: их вес в достижениях мировой науки остается ничтожно малым. «С возраста десяти или двенадцати лет, — продолжает Ренан, — мусульманский ребенок... становится фанатиком, исполненным глупой гордости обладателя того, что он принимает за абсолютную истину». И далее: «То, что налагается исламом, столь сильно, что национальные и расовые особенности у верующих стираются... Только Персия составляет в этом смысле исключение, так как сохраняет свой собственный гений»¹¹. Последнее бесспорное утверждение следует отнести на счет шиизма, отличающегося большей мировоззренческой широтой; хотя верно и обратное: своим существованием шиизм обязан персидскому гению.

Я бы только заменил чересчур жестокосердный образ железного обруча на другой — путь это будут шоры. В нашем обиходе «зашоренным» называют взгляд, не

способный увидеть вещи в их истинном свете. Но это неправильно: у лошадей шоры на глазах позволяют не отвлекаться на боковые виды и сосредоточиться на впереди лежащей цели. Сколь ни интересны боковые виды, важнее все-таки видеть, куда скачешь.

Казалось бы, относительная невосприимчивость к науке радикально отличает мусульманский мир от христианского. Но вспомним, что в конце I — начале II тысячелетия мусульманская цивилизация далеко превосходила европейскую по уровню развития науки и культуры в целом. Определенную роль в этом сыграло то обстоятельство, что первоначальный Халифат расположился на землях, богатых эллинистической культурой, с ее гимназиями и мусейонами, обсерваториями и библиотеками и т.д. Кое-что мусульмане здесь прикрыли, но кое-чему придали новый импульс — изучению философии, математики, астрономии и некоторых других наук. Хорошо известно, что в те времена европейцы через них знакомились с античным наследием и их собственные изыскания высоко ценили.

Но почему-то примерно со второй половины XIII века наука и культура в мусульманском мире пошли на спад и уже через одно-два столетия «погрузились в сон» (частичное исключение в этом отношении составила опять же Персия). Ученые-ориенталисты, как правило, находят это явление загадочным и не могут дать ему внятного объяснения. Мне кажется, его можно попытаться объяснить метафорически. В душе мусульманства вдруг заговорили некая «валаамова ослица», раньше других узревшая впереди Ангела с мечом в руке, преграждавшего становящийся рискованным путь: «И стал Ангел господень на узкой дороге, между виноградниками, где с одной стороны стена и с другой стороны стена» («Числа» 22 : 24). Напомню, что у древних евреев осел (ослица) — священное животное, а отнюдь не символ глупости и упрямства. А Г.П.Федотов не исключал того, что «валаамова ослица» могла быть ведома Св.Духом, то есть Лицом христианской Троицы, в иудаизме и в исламе не признаваемой (статья «О Св.Духе в природе и культуре»).

Попытки объяснить остановку в росте диктатом теологии ислама не вполне удовлетворительны. Самый авторитетный мусульманский богослов и философ тех времен, да, пожалуй, и всех последующих тоже, Аль-Газали (1058—1111) (или Альгазель, как его именовали в Европе) занимал в этом вопросе сложную позицию. Прозванный Обновителем ислама, Аль-Газали не имел ничего против дальнейшего развития наук (по крайней мере, некоторых из них, таких, как математика и астрономия), но считал это делом «отважных корабельщиков», на свой страх и риск уходящих в море-океан, а рядовым мусульманам предписывал «оставаться на берегу» и не «смотреть по сторонам». Но почему-то осуществилась только вторая часть его рекомендаций, а «отважных корабельщиков» на мусульманском Востоке становилось все меньше, пока они не исчезли совсем.

Насколько я знаю, мысль Аль-Газали о том, что научные занятия должны быть делом немногих избранных, разделял читавший его Фома Аквинский. Позднее ее поддержали другие европейские мыслители — от Эразма до Гете и дальше, вплоть до Леонтьева (писавшего, что «искатели» должны быть *редки и велики умом*). Это вопрос педагогики в первую очередь, а современная педагогика сталкивается с фактом, что практика всеобщего среднего образования терпит катастрофу: школа становится местом воспроизводства невежд, в головах которых царит хаос; даже элитные школы (что у нас, что на Западе) не слишком выделяются в этом отношении.

Стоит поэтому присмотреться к некоторым мусульманским странам, таким как Иран, где существует крепкая начальная школа с упором на религиозное образование. Именно образование, а не просто обучение. Ведущий принцип исламской педагогики (равно суннитской и шиитской) — *таххид*, «цельность». Традиционная исламская школа не просто дает знания, но определенным образом «закругляет» их и, что особенно важно, воспитывает характер. Как раз расстройство традиционной педагогики

создает условия для умножения числа ваххабитов, большинство которых свои религиозные представления «хватает с ветра».

Удивительную прозорливость явил Байрон в «Паломничестве Чайльд-Гарольда». Сочувствуя восставшим против Стамбула грекам, он пишет следующее:

Когда-то город силой ятаганов
 Был у гяура отнят. Пусть опять
 Гяур османа вытеснит, воспрянув,
 И будет франк в серале пировать,
 Иль ваххабит, чей предок, словно тать,
 Разграбил усыпальницу пророка,
 Пойдет пятою Запад попирать...¹²

(Город здесь — Константинополь-Стамбул, гяур, как и франк, — собирательный христианин). Не странно ли было думать, что племена, восставшие против турок в далекой по тем временам Аравийской пустыне, представляют опасность для Европы? Спустя несколько лет после написания «Чайльд-Гарольда» даже ослабевшие османы сумели с ними справиться — на столетие вперед. Но Байрон как-то угадал в ваххабитах «злого гения» Запада.

Известный американский философ (один из вдохновителей контркультуры 60-х) Норман О.Браун пишет, что «ислам не является другой культурной традицией... И это не восточная традиция: это альтернатива, соперничающая интерпретация *нашей* традиции. Ислам бьется об заклад (is a wager), что христианство пошло по неправильному пути»¹³. В первую очередь это относится к его (ислама) «авангарду», как называет Браун ваххабизм.

В свое время Честертон писал, что ислам — не «азиатчина», как принято думать, что это, напротив, «копье, брошенное в грудь Азии» (цитирую по памяти). Копье послано с высоты Синая — священного центра Земли, места, где Моисею явился Бог. Откуда «есть пошли», еще до возникновения ислама, иудаизм и христианство.

Эмпирические подтверждения близости ислама к этим двум религиям хорошо известны. В первые века поразившее воображение явление Христа вызвало шатания в душах и, как результат, многообразные толкования этого исключительного события. Понадобились семь вселенских соборов, собравших самые сильные умы (между прочим, вооруженные знанием великой греческой философии) и самые чуткие сердца, чтобы выстроить стройное здание христианской (единой православной и католической) религии. Остающиеся приверженцы многочисленных сект вытеснялись за пределы империи — в частности, на Аравийский полуостров. Среди них должна привлечь особое наше внимание секта эбионитов, существовавшая с I века и совмещавшая элементы иудаизма с элементами христианства. Эбиониты не признавали сверхъестественного рождения Христа, считая его просто человеком и пророком, и они оставались, подобно иудеям, строгими законниками — но таковыми же стали и мусульмане. Примечательно, что последние сведения об эбионитах относятся к VII веку, времени возникновения ислама: скорее всего, они легко «растворились» в массе мусульман.

Но есть на Западе авторитетные исламоведы, которые считают, как и сами мусульмане, что своим существованием ислам обязан самостоятельному Откровению. Заметим, однако, что оно было дано Мухаммеду (в «ночь *мираджа*») не где-нибудь, а на Храмовой горе в Иерусалиме, тоже святом месте для всех трех «авраамических» религий, а архангел Гавриил (Джебраил), послуживший Мухаммеду вожатым в его ночном восхождении на небеса, — опять же общий для «авраамических» религий архангел. Так что мистическое подтверждение близости ислама к иудаизму и христианству есть во всяком случае.

И Браун прав, когда пишет, что ислам есть «соперничающая интерпретация» нашей (евроамериканской) традиции. Не прав он в другом: «по неправильному пути» пошло не христианство (о некоторых конфессиях можно сказать, что они отклонились от изначального курса, но Браун имеет в виду изначальный курс); с некоторых пор «по неправильному пути» пошла культура (и Браун был одним из тех, кто подтолкнул ее в этом направлении), чем дальше, тем больше утрачивающая связь с христианством. В пору культурного рассвета не предосудительно было поучаствовать в «культурном пиршестве», но по мере того, как пиршество превращается в оргию, притом все более вульгарного свойства, внутренние голоса подсказывают многим из «пирующих», что у них «ограблена душа» (как выражается в очень похожем случае Шехерезада в сказках «Тысячи и одной ночи»), и, как следствие, «соперничающая интерпретация» получает шансы на успех.

Ваххабиты выступают как прямые антиподы «пирующих». Буквальный смысл греческого слова «антиподы»: «обращенные ногами к ногам»; а в данном случае ноги упираются в один и тот же заложенный в прошлом камень. Через который в обе стороны проходят некие токи. И вот результат: в Англии и Франции от 25 до 27 процентов (!) молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет сочувствуют ваххабитам (об этом сообщил лондонский еженедельник «The Spectator» в номере от 19.11.2015; другие источники приводят цифры, существенно не отличающиеся от названных). Эти молодые люди интуитивно постигают, что в их жизни нет ничего «настоящего», нележного.

То, чем привлекает их ваххабизм, можно назвать «зовом пустыни». Прот. Георгий Флоровский в еще благополучной по видимости Америке 1957 года провидчески писал: «Зов пустыни» вновь обретает все большую настойчивость и мощь¹⁴. Пустыня здесь — антитеза порченной цивилизации. Тот факт, что ваххабизм зародился в одной из самых пространных на свете пустынь, в физическом смысле этого понятия, сообщает ему еще большую выразительность.

Изначальный импульс ваххабизму (зародившемуся, напомним, еще в XVIII веке) придала встреча аборигенов Аравии с «излишками» культуры, которые демонстрировали приходившие на богомолье в Мекку паломники из уже «развращенных» стран. К «излишкам» относилось все, без чего, по мнению ваххабитов, можно было обойтись: от музыки, будь это даже заунывные звуки зурны, до четок и крашенных в яркие цвета бород (которыми более других «грешили» персы). Уже тогда можно было представить, каких дров наломают ваххабиты, если свой девиз «ничего лишнего» они пронесут в другие страны.

Как будто ваххабиты разделяют общую для салафитов установку: «возращение к праведным предкам» (таковыми считаются первые три поколения мусульман). Но «праведные предки» определенно не приняли бы ваххабитов. Потому что опора на Коран и Сунну, которою они бравируют, у них своеобразная: они принимают одни аяты Корана и игнорируют другие, как если бы их не существовало; цитируют одни хадисы Сунны, а другие берут на себя смелость объявлять «слабыми». Еще ваххабиты бравируют тем, что понимают аяты и хадисы буквально, а иные толкуют вкривь и вкось. Но понимать аяты и хадисы буквально далеко не всегда означает понимать их правильно. Коран написан на символическом языке, и его нельзя «переводить» на язык несимволический (Пушкин, «читая сладостный Коран», воспринимал его как поэзию), поэтому буквальное его понимание зачастую приводит к конфузу. В одном аяте, например, говорится: «Кого пожелает (Аллах) сбить с пути, делает грудь ему узкой» (6: 125). Ясно, казалось бы, что это метафора, но ваххабиты с подозрением смотрят на всех узкогрудых телесно. Есть хадис, в котором сказано, что левая нога Аллаха находится в аду — немудрящий ваххабит так это и представляет физически. Подобных примеров можно привести немало.

Девиз «ничего лишнего» простирается до требований совлечь с себя не то чтобы

«слишком человеческое», а просто человеческое. Воспрещаются, например, «чрезмерные» проявления горя на похоронах близких, равно как и надгробия на их могилах. В свое время была разрушена усыпальница самого Пророка (о чем упоминает Байрон в вышеприведенных стихах): Мухаммед ведь был «всего лишь» смертным, который просто запомнил продиктованные ему свыше строки Корана. Никаких посредников между человеком и Аллахом быть не должно. Поклонение святым, которые таковыми почитались, — предрассудок. Даже ангелы не могут служить посредниками — потому что их просто не существует (хотя в Коране прямо и не раз говорится о существовании ангелов); у шиитов с их развитой ангелологией — «больное воображение». Существует только Всемогущий в недостижимой высоте, а на земле — однообразие склоненных перед Ним голов.

Есть нечто общее между ваххабитами и монахами первых веков христианства, уходившими от мира в пустыню. Но гораздо больше различий. Монахи-христиане, уходя от мира, не гнушались им (а если гнушались, то не были христианами), они молились за него и показывали ему образцы индивидуального и общественного (в киновийных, общежительных монастырях) поведения, для мирян недоступные и для них не предназначенные (не может существовать общество, состоящее из одних монахов), но побуждающие их духовно расти. Такова, собственно, их «функция» и сегодня.

А ваххабиты исполнены ненависти к миру, желание «блестящей луны» (войны) у них перебарывает все остальные. В Коране есть воинствующие аяты (как и в христианстве есть воинствующая «линия» Михаила Архангела), но они уравновешены вполне миролюбивыми, особенно когда дело касается «людей Книги» (иудеев и христиан), а ваххабиты к миролюбивым призывам глухи, они следуют заповедям своего основоположника Аль-Ваххаба (1703—1792) и его далекого предшественника Ибн-Таймийи (1263—1328), требовавших без всякой жалости расправляться не только с иноверцами, но и с мусульманами, не принявшими ваххабизм: мужчин обращать в «мясо для хищных птиц», женщин насиловать, а детей обращать в рабство.

Негодующим ввиду всего этого людям Запада продолжатели Ибн-Таймийи и Аль-Ваххаба отвечают: посмотрите на самих себя, вы ничем не лучше, если не хуже — вы только мечтаете о подобных жестокостях в своих кинофильмах, а мы их совершаем. В самом деле еще полвека назад сами люди Запада ужаснулись бы, если бы могли увидеть, что у них показывают сегодня на экранах. Из самых ярких примеров последнего времени — «Омерзительная восьмерка» Квентина Тарантино и «Грязь» Стивена Волша. Америку, какую она показана в этих фильмах, особенно в первом из них, можно охарактеризовать относящейся к России известной фразой К.П.Победоносцева: «ледяная пустыня, в которой бродит лихой человек». Беда в том, что такие фильмы воспринимаются (у них и у нас) как развлечение (Тарантино вопреки тому, что о нем думают, не потешник, в нем сидит чувство неприятия зла и тоска по чему-то «настоящему»). В «Омерзительной восьмерке» открывается «срез» американской жизни; конечно, это один из многих ее «срезов», но, возможно, самый глубокий.

Вот и выходит, что молодые люди, ищущие в жизни некоторой глубины, зачастую оказываются перед выбором: ледяная пустыня без Бога — здесь и сейчас, знойная пустыня со злым и жестоким богом — в некотором далеке, однако неуклонно приближающемся подобно тому, как физически наступают сейчас пустыни на соседние земли.

«Москва еще третьим Римом не была, а между тем должно же исполниться пророчество, потому что «четвертого Рима не будет», а без Рима мир не обойдется». Это из Достоевского, «Дневник писателя» за 1876 год.

Может быть, и в самом деле не обойдется. Недаром же сами ваххабиты определяют

своего врага, как «Рим». Но если он есть, то где он сейчас, носитель гордого имени? А если нет, то он просто обязан материализоваться. Пока не похоже, чтобы первый Рим показал себя достойным своего имени. Второй Рим давно спит под звуки томительного азана (мусульманской молитвы). Остается Третий. И как будто четвертого пока не видно.

Уже упоминавшийся Педер Йенсен пишет, что готов отказаться от мысли о новой Варфоломеевской ночи в случае, если православный Восток сумеет защитить европейское наследие. Допустим, Йенсен — «отвязанный» блоггер, которому только шальные мысли приходят в голову. Но похожие мысли высказывает и авторитетная Ида Мальи. Мыслить Европу, пишет она, можно только с Россией — не нынешней, еще «приходящей в себя», но «вечной»; ибо, судя по всему, именно ей суждено остаться в Европе хранительницей (*depositaria*) христианства.

Римлянка Мальи признает за Москвой право называться Третьим Римом. «Возможно, — пишет Мальи, — Россия сможет занять место, оставленное Европой, осознав со временем свою самость, не вполне европейскую и не вполне азиатскую. И станет таким образом единственным живым напоминанием о европейской цивилизации». И далее: «Сохраняя еще значительный "ресурс" христианства, Россия может стать местом духовного паломничества для осиротевших религиозных душ Италии, Франции, Австрии, которые обретут в этой стране общее прошлое»¹⁵.

Видимо, Мальи не единственная римлянка, которая мыслит подобным образом. На регулярно собирающемся в Вечном городе международном семинаре «От Рима к Третьему Риму» (*Da Roma alla Terza Roma*) обычно обсуждаются чисто исторические темы. Но на последнем из них политолог Альфонсо Пишители задан вопрос: «интерес к "духовной природе" России не является ли реакцией на деградацию Запада, которая и побуждает многих обратить свои надежды к Востоку?»¹⁶

Об этих итальянцах можно сказать, что они повторяют путь св.Антония Римлянина, о котором в новгородском «Сказании» (возникшем еще до выступления инок Филофея) говорится, что он приплыл в Великий Новгород на камне (его иконическое изображение относится к XV веку), усмотрев в «полунощной» стране «новый Рим».

Молодой немецкий публицист греческого происхождения Дмитриос Кисудис тоже смотрит в нашу сторону — об этом говорит его книга «Золотая Евразия. Новая холодная война и Третий Рим». К сожалению, мне не удалось найти эту книгу и я сужу о ней по комментариям немецкой прессы, благо она там широко обсуждалась. В заголовке стоит, если быть точным, «Евразия на золотом основании» («*Goldgrund Eurasien*»). Имеются в виду, во-первых, последние данные о прогнозируемых запасах золота, по которым Евразия, то бишь Россия, вроде бы занимает первое место в мире. Что, по мнению автора, позволит России первой вернуться к золотому стандарту, должествующему оздоровить мировую экономику.

Но важнее второй смысл заголовка. Grund — это «земля», «основание», но также и «фон»; Goldgrund — это *ассист*, золотой фон русских икон. Золотой, солнечный цвет означает цвет божественной жизни. Православие в оболочке Третьего Рима — вот, по мнению автора, «спасательный круг» для европейского мира.

Может быть, и вправду *эта* красота (кстати, Достоевскому еще малознакомая, так как в его время древние иконы еще не научились чистить от насевшей на них копоты и их «рассыпчатое» золото еще не заиграло по-настоящему) спасет мир.

Газета «*Frankfurter Allgemeine*» (в номере от 2.05.2016) так передает идею книги: «Москва как третий Рим — московитская фигура мысли, явившаяся из XVI века, — это не только имперский центр силы, но и центр силы духовной: как последний питомник сбережения христианства. Следует поэтому говорить о православии не как о послушном партнере Путина в деле возрождения империи, но как о подлинном источнике силы новой России». Далее цитата из книги: «Традиция Востока оформляется заново,

нынешнее преобразование (России) — исторический перелом, показывающий, как осуществляется диалектика преемственности». А по мнению самого автора газетной статьи, Россия занята ныне «ощупыванием корней» и это перспективная работа, которую зря манкирует Европа¹⁷.

Хотелось бы, конечно, не обмануть ожидания, подобные приведенным. Хотя сделать это будет очень не просто. По-прежнему лихой человек бродит в *нашей* ледяной пустыне. И еще много чего есть в отечестве, что мешает духовному восстановлению. Остается надеяться, что в какой-то момент придет осознание, что «золотой век в кармане», по слову Достоевского в том же «Дневнике писателя», и надо его просто оттуда достать¹⁸.

И чем скорее это случится, тем лучше. Потому что внешняя угроза (которая является также и внутренней) такова, что не допускает долгого отлагательства. Все, что выше было сказано о слабостях евроамериканского мира, в определенной степени относится и к нам, как никогда раньше слившимся с Европой культурно.

Текучести европейской истории и культуры мир ислама противопоставляет постоянство, и в этом — на сегодня — его преимущество. Но постоянство можно сохранять и в текучести, а в таком случае это понятие лишается негативного оттенка. И наоборот, постоянство может стать помехой, препятствующей «связи времен». Насколько могу судить, именно так обстоит дело в мире ислама: настоящее не «вытекает» из прошлого — оно связано с ним только волею Аллаха (наверное, я огрубляю, но суть примерно такова). Сейчас я говорю не о ваххабизме, а о каноническом исламе, поскольку таковой существует. Но у ваххабитов разрыв усугублен тем, что с их точки зрения история и культура не содержат ничего такого, чем стоило бы дорожить. Задача христианства — прямо противоположная: словами самого Христа, из того, что Богом дано, «ничего не погубить, но все то воскресить в последний день» (Иоанн, 6:39). По убеждению даже хромающего в христианстве Розанова, «все бессмертно»; все — не все, но во всяком случае не только «голая» душа человеческая (это есть и в исламе).

Вот убеждение, которое должно послужить надежным щитом от всепроникающего ваххабизма.

Идея Третьего Рима, брошенная в течение веков «темным» иноком псковского монастыря, ныне овладевает умами¹⁹. Графически ее можно представить в виде ковчега, о который бьются с разных сторон волны мирового варварства. Понятие «ковчег» предполагает некоторую отъединенность от остального мира; конечно, ради самих себя, но также — если повезет — и ради остального мира.

Надо только понимать, что возрожденная идея Третьего Рима обязана вместить новые смыслы, которых псковский инок не предусмотрел и предусмотреть не мог. Во-первых, речь должна идти о сбережении не только православия, но и традиционного для наших краев мусульманства — преимущественно суфийского корня (имеющего множество точек соприкосновения с христианством). И во-вторых, речь должна идти также и о сбережении культуры — *ab urbe condita*, «от основания города» (Рима)²⁰.

А вот взлетит эта крылатая идея или нет, зависит от того, сумеет ли она преодолеть силу сопротивления бытийной массы, которая выглядит сегодня неподъемной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приходится подивиться тому, что *брексит* породил волну споров о будущем Европы, полагающих аксиоматичным, что у Европы есть будущее. Впечатление такое, что политики и экономисты живут в совсем другой Европе, чем их соотечественники, способные мыслить «судьбически». И не замечают, что за плечами у них стоит, как на картине Арнольда Беклина, Смерть и играет на скрипке что-то свое.

- ² Заново обозначившееся противостояние России с Западом, что бы ни говорили, по степени напряженности далеко от того, что имело место в годы холодной войны.
- ³ Отдадим должное французам: у них философ еще может стяжать некоторую популярность.
- ⁴ www.causeur.fr/sens-existence-civilisation-europeenne-islam-37840.html
- ⁵ Magli I. Dopo l Occidente. — Milano: Rizzoli, 2012. P. 21.
- ⁶ Billmuehlenberg.com/2014/09/22/multiculturalism-islam-and-the-war-on-the-west/
- ⁷ Media Monitors Network, April 18, 2003.
- ⁸ Guerre et paix dans la pensee d Erasme. — Paris: Aubier Mondaigne, 1973. P. 340, 350.
- ⁹ Дело доходит до того, что собственная вонь начинает приносить удовольствие. Один из последних тому примеров: франко-американский фильм «Наш запах» Ларри Кларка (2014). Это предельно мерзкий фильм и в то же время предельно скучный, лишний раз подтверждающий, что дьявол — отец скуки.
- ¹⁰ Royallib.com/read/heyzinga_yohan/v_teni_zavtrashnego_dnya.html#266240
- ¹¹ Renan E. L Islamisme et la science. www.culture-islam.fr/contrees/maghreb/ernest-renan-islamisme-et-la-science-1883
- ¹² В подстрочном переводе: «направит свой кровавый путь на Запад».
- ¹³ Brown N.O. The Challenge of Islam. — New-York: North Atlantic Books, 2009. P. 3.
- ¹⁴ Прот.Г.Флоровский. Догмат и история. — М.: Изд. Св.-Владимирского Братства, 1998. С. 289.
- ¹⁵ Magli I. Указ. соч., P. 226.
- ¹⁶ www.arianuaeditrice.it/articolo.php?id_articolo=48444
- ¹⁷ Похожие мысли находим и у других западных авторов. См., например, материалы очередных «Бердяевских чтений» в «Тетрадах по консерватизму ИСЭПИ», № 3 за 2015 г.
- ¹⁸ Достоевский имеет в виду, что «даже скучные, самолюбивые люди могли бы родить из себя высшие качества, да только они об этом не знают». («Дневник писателя» за 1876 г. Гл. I. IV).
- ¹⁹ См., например, материалы научной конференции «Москва — Третий Рим» (11 ноября 2014 г.) с участием ведущих наших историков: www.pravoslavie.ru/75070.html
- ²⁰ Лет десять назад я уже писал об этом (в статье «Два убо Рима падоша...» — «Континент», 2007. № 132): за минувшие столетия в России создана богатейшая культура, что позволяет усматривать в концепции Третьего Рима не только церковно-каноническое и геополитическое, но и культурное содержание. (Вопросы социально-политические и экономические, сколь они ни важны, полагаю считать производными от основной задачи.) Н.А.Бердяев писал, что кроме священного предания Церкви существует еще и «священное предание культуры», а образ Рима является «вечным образом культуры».